

Сергий Чернец

Окружение наше – животные

Сборник рассказов

Сергий Чернец
Окружение наше – животные.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22368027
ISBN 9785448356452*

Аннотация

В небольшой книжке собраны рассказы о нашем окружении – о животных, проживающих рядом с нами. А также две повести о нашем мире.

Содержание

Окружение наше – животные	5
Часть 1. Домашние животные	5
Часть 2. Рассказчик	11
Заводы	19
Часть 1 Охотничья собака	19
Часть 2 Заводы	24
Часть 3 Охота	31
Глазами Мышки	37
«Молодой», рассказ про бобра	45
Природа. Рассказ о петухе	53
Рассказ про детство	55
Прошлое прекрасное	61
Хитрая лисица	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Окружение наше
– животные
Сборник рассказов
Сергий Чернец**

© Сергий Чернец, 2016

ISBN 978-5-4483-5645-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Окружение наше – животные

Часть 1. Домашние животные

Люди вообще очень медленно и тяжело понимают животных; животные – понимают людей быстрее и тоньше. И никогда не верь, дорогой читатель тому, что тебе говорят дурного о животных. Вот скажут: осел глупый. И когда человеку хотят намекнуть, что он недалек умом, упрям и ленив, например, – его деликатно называют ослом. Однако, запомни дорогой читатель, что всё наоборот, и осел – животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое. А, конечно, если его перегрузить свыше его сил и вообразить что он тягловая лошадь, то он просто останавливается и говорит: «Этого я не могу. Делай со мной что хочешь». И можно бить его сколько угодно – он не трогается с места. Тут можно посмотреть, кто в этом случае глупее и упрямее: осел или человек?

Лошадь же, среди домашних животных, которые окружают человека – это совсем другое дело. Она наоборот, нетерпелива, нервная и обидчивая. Некоторые тоже говорят, что лошадь глупа. У нее только красота, способность к быстрому бегу да память на места. А так, якобы, – дура душой, кроме того еще, она близорукая, капризная, мнительная (пугается

громких звуков) и не очень привязана к человеку. Но так говорить могут люди, которые держат лошадей в темных конюшнях, которые не знают радости воспитания их с жеребьячьего возраста, которые никогда не чувствовали, как лошадь благодарна тому, кто её моет, чистит, водит коваться, поит и задает корм. У таких конюшенных, кто плохо отзывается о лошадях, на уме только одно: сесть на лошадь верхом и бояться, как бы она его не сбросила. В голову такому не придет накормить-угостить лошадь кусочком хлеба, вовремя напоить умеренно, покрыть попоной на стоянке.... За что же лошадь будет уважать такого «потребительского» человека, спрашивается?

А можно спросить у любого природного всадника о лошадях, и он всегда ответит: умнее, добрее, благороднее лошади нет никого, – конечно, если только она в хороших, понимающих руках.

Вот, у арабов – лучшие на всем свете лошади. И там лошадь – член семьи. И там на неё, как на самую верную няньку, оставляют маленьких детей. Уж будьте спокойны, такая лошадь и скорпиона раздавит копытом, и дикого зверя залягает. А если чумазый ребятёнок уползет на четвереньках куда-нибудь в колючие кусты саксаула, где бывают змеи, – лошадь возьмет его нежненько за ворот рубашонки или за штанишки и оттащит к шатру: «Не лазай, дурачок, куда не следует». Вот как.

Слышал, говорят еще: глуп, как гусь.... Мол, дури голову

гусю.... И прочее. А и тут, – умнее этой птицы нет на свете. Гусь знает хозяев по походке. Например, я возвращался, в деревне, домой среди ночи. Иду по улице, отворяю калитку, прохожу по двору – гуси молчат, точно их нет. А незнакомый человек войдет во двор – сейчас же поднимется гусяний переполох: «Га-га-га! Га-га-га! Кто это шляется по чужим дворам? – типа». А какие они славные отцы и матери, если б ты знал читатель! Птенцов высиживают поочередно – то самка, то самец. Гусь даже добросовестнее гусыни. Если она, гусыня заговорится через меру у водопойного корыта с соседскими гусынями, по женскому обыкновению, – господин гусь выходит, возьмет её клювом за затылок и вежливо потащит домой, ко гнезду, к материнским обязанностям. Вот как! – я сам наблюдал такое не раз.

И очень смешно, когда гусяное семейство идет на прогулку. Впереди он, гусак, хозяин и защитник. От важности и гордости он и клюв задрал к небу. Идет важно и на весь двор глядит свысока. Но беда неопытной собаке или легкомысленному ребенку, если они не уступят ему дорогу: сразу же он зашипит, как змея голову пригнув над землею и кинется, разинув клюв, на обидчика. А на следующий день ребятёнок будет ходить с огромным синяком на ноге, а собачка будет трясти ущемленным ухом, за которое «тяпнул» её гусь.

Идут за гусем-защитником гусенята, желто-зеленоватые, как пушок на вербах цветущих. Жмутся они друг к дружке и пищат. Шейки у них голенькие и на ногах они твердо сто-

ять не могут – даже не верится, что вырастут и станут такими же грозными как папаша. А маменька-гусыня идет сзади. Её описать почти невозможно – такое блаженство во всем её виде, такое торжество! «Пусть весь мир смотрит и удивляется: какой у меня замечательный муж-гусак и какие великолепные детишки-гусенята!». И уж переваливается она с боку на бок, «выбоченивается»....

И вся гусятинная семья – похожа на добрую немецкую «фамилию» на праздничной прогулке. Порядок соблюдается и там и тут, и важность каждый сознает и создает и там и тут.

В раннем детстве своем я проживал в деревне у бабушки. Лет до семи я считался местным жителем и был своим среди всей деревенской живности. А потом, учась в школе и проживая в городе, я приезжал в деревню только на летние месяцы, на каникулы. И из всех животных меня помнила только собака и прыгала на грудь, пытаясь лизнуть лицо.

Не могу точно сказать, когда случилось это чудо озарения. Во всяком случае, – если не в день летнего солнцестояния, 21 июня, то очень близко к нему.

Я тогда проснулся еще «до света», как говорится, на заре. И без этого мутного перехода когда сон вырастает в явь. С таким чувством уверенности и с легкой свежестью в голове я подошел к окну, ожидая точно и знания, что там за окнами, под открытым небом, в этой нежной ясности занявшейся зари происходит какое-то простое и замечательное чудо.

Не успокоившись видом из окна, я выбежал на крыльцо.

Услышал я ласковые песни соловьев от огорода, за которым сразу же начиналась опушка леса с кустами. В еще холодном воздухе стояли деревенские ароматы трав, листьев, земли. В темной еще дали полосы леса путались застрявшие ночью, как тонкая кисея, обрывки ночного тумана. Но деревья уже проснулись, я смотрел в сторону леса и на небо, озаренное светло розовой полосой зари. Тогда мне подумалось, – ведь деревья не видят и не слышат. Что главное – не слышат.

А я услышал, никогда до этого не слыханный звук – мощный и звонкий, – от которого дрожала каждая частица воздуха. И я не вдруг понял, что это пели петухи. Прошло много секунд, пока я догадался. Мне показалось, что по всей земле трубят золотые и серебряные трубы, посылая ввысь звуки удивительной чистоты, красоты и звонкости.

Я знаю сегодня и силу, и пронзительность петушиного крика. Но тогда, в этот первый стыдливый час, когда земля, и деревья и небо, – только что выкупались в ночной прохладе, молчаливо надевали свои утренние одежды, я с волнением подумал: а ведь это сейчас поют все петухи, все, все до одного, – и старые, пожилые и молодые, годовалые мальчуганы, – все они, которые живут на огромной площади уже освещенной утренним солнцем и на той площади, что через несколько секунд-мгновений засияет в солнечных лучах. Во всей округности, доступной человеческому слуху, везде поют петухи. И нет ни одной фермы, двора чтобы бывший там петух не вытягивал голову вверх и, топорща пе-

рья на горле, не бросал бы в небо торжествующие прекрас-
но-яростные звуки. И повсюду – в соседней деревне, в рай-
онном поселке, и в пригородных деревнях – повсюду поют
петухи, как молитвы своему богу Солнцу.

Временами ближние деревенские петухи затихали
на несколько мгновений, замолкали, как будто выдерживали
паузу, но новая волна звуков опять накатывала на утреннее
небо.

Я слушал эту чудесную музыку с волнением, и с вос-
торгом, когда осознал, как велика она по всей земле. Что
за странное, что за необыкновенное утро было и остается
в моем воспоминании.

Сейчас уже нет этого пафоса, Чудо бывает только
один раз.

Часть 2. Рассказчик

Люди пожилые, даже не отличающиеся особенной тонкой наблюдательностью, давно заметили, что среди современных людей исчезает понемногу простое и доброе искусство вести дружескую беседу. Естественно, видно из всего течения жизни, что главная причина этого явления – излишняя торопливость той самой жизни, которая не течет, как раньше, медленной ровной ленивой рекой, а стремится уже водопадом и падает с огромной скоростью в неизвестное будущее, увлекаемая телефонами, смартфонами, поездами-экспрессами, автомобилями со скоростью на трассах 100 км\час, подхлестывается СМИ, и удесятерится в своей поспешности интернетом везде и всюду.

В литературе стал редкостью большой роман: романы разбиваются на продолжения-сериалы. В театре тоже – большие пьесы разбиваются на миниатюры. Кино, в какие-нибудь полтора часа покажет вам и войну и гонки, и рыбалку и любовные сцены и всё в клиповом виде. Устные рассказы сокращаются до анекдотов в двадцать слов. И всё потому, что пропало желание людей и умение слушать друг друга. Исчезли куда-то прежние внимательные собеседники, которые раньше переживали в душе все извилины и настроения рассказа, который отражался невольно на лице рассказчика всей его мимикой и с наивной простотой воплощался в каж-

дое действующее лицо.

Теперь время другое, – индивидуальное, теперь всякий думает только о себе. Он почти не слушает, стучит пальцами и двигает ногами и руками от нетерпения и ждет не дождется конца рассказа, чтобы, перехватив изо рта рассказчика последнее слово поспешно выпалить: « Это еще что, а вот что со мной было, случай такой был...».

Про себя я скажу без хвастовства, да тут и похвала-то самая невинная, – про себя скажу, что я обладаю в большой степени этим даром слушать с толком, с увлечением, или, вернее, я не утратил еще этот дар слушателя со времен детства. Может быть, именно от этого даже несловоохотливые и по своему гордые люди-собеседники в беседе со мной расшевеливаются и снисходят до эпических монологов, повествуя мне о своих перипетиях жизненных. Так я узнаю сюжеты своих рассказов, которые начал записывать с 14-летнего возраста. Из накопленного материала рождаются повести и рассказы, которые я собираю в сборники, составляю книжки свои. Это будет, мне думается, документ об эпохе, в которой мне доведется прожить, еще может быть и немного. Но оставлю я будущему читателю все впечатления о времени своем, о людях об обстановке, что может быть интересно будет узнать будущему поколению, которое будет жить уже в другом мире, – буквально в другом, – ибо все меняется, только прошлое остается со всем его хорошим и плохим.

1 «Как известно, характер воспитывается из отношений

окружающего мира к человеку. Если весь мир тебя не любит, если всё окружение к тебе относится злобно, с ненавистью, с неприязнью – так и ты не будешь любить мир, и ты будешь относиться ко всему в этом мире враждебно.

И у животных есть характер. Более того, – и у животных есть душа. Взять, например, собак, которых мы видели и знаем. У каждой – своя собственная душа, свои привычки. То же у кошек.

В дачном поселке был найден котёнок. Он был оставлен у ворот около домика охраны. Охраны не было, домик пустовал и был закрыт, так как ворота открывались автоматически с маленького пульта, которые раздали всем жителям. А, вероятно, мама-кошка принесла котят больше, чем можно было раздать, и кто-то оставил котёнка на крылечке домика охраны.

И один раз я прошел мимо и второй раз, когда возвращался. Котёнок мяукал и пытался с опаской подойти к прохожим. Прохожих было немного, все ездили на машинах, и к ним котёнок не стремился, провожая их мяуканьем, не двигался и сидел на досках крылечка.

Уже когда стемнело, я задумался: «как же тот котёнок ночь проведет, а осень и по ночам заморозки на почве...». И не выдержав, я пошел к воротам. Котёнок бежал за мной, но едва приблизившись, садился, в руки не давался. Я его звал и отходил. Котёнок бежал на мой зов: «киса, киса», бежал следом. А когда я останавливался и он садился на зад-

ние лапы, но не подходил. Так мы дошли до моего дома.

Своим зовом я заманил его в открытую дверь к миске с едой и молоком, заранее приготовленным. Сам же, обойдя его кушающего с жадностью кошачий корм, прошел и закрыл дверь на улицу. Тут случилась паника. Котёнок бросил еду и рванул к двери с громким мяуканьем, лапками царапал дверь, желая выйти. Пришлось его выпустить, уж слишком сильно он паниковал. «Может его били и мучали в доме, раз он боится закрытых помещений...». Я вынес еду на улицу, поставил у крыльца и оставил котёнка, закрыв дверь. Потому что, когда я попытался его погладить, котёнок фыркал, не желая отойти от миски с едой, оскаливал пасть, лапой пытался царапнуть мою руку.

Эту ночь он остался у моего дома, хорошо, что не было дождя. А синоптики обещали дожди. И утром я обманом заманил котенка в дом. Он паниковал опять у двери, потом, когда я подошел и протянул к нему руки, от «попытки поймать его» он убежал вглубь дома и спрятался под диван. И там сидел в углу, рыча и царапаясь, когда я пытался его вытащить. Я оставил котёнка в покое, решив на улицу его уже не выпускать, обещанные осенние дожди зарядили на долгих три дня. И котёнок уже начал привыкать к дому.

Свое место в углу под диваном он покидал только тогда, когда на него не обращали внимание. Подходил к миске, ел и оглядывался.... И постепенно, на мои перемещения по дому он перестал обращать внимание и лежал на ковре

перед диваном. Когда я подходил и садился на диван смотреть телевизор, он дергался убежать, фырчал, но, не видя посягательств на него, к моим ногам стал относиться, как к неизбежному и успокаивался. Вечером котёнок нашел лоток с песком в прихожей и возился там в темноте. Когда я включил свет, котёнок убежал и, оглянувшись, сел и смотрел в открытую из комнаты дверь на мои действия, как я убирал из лотка в целлофановый пакет....

Привыкал он долго, но прижился. И ноги мои его не пугали. А вот в руки он не давался совсем, сразу отбегал к дивану-спасителю, когда я хотел его погладить».

2 «Звали её Циня. Не в честь китайского высокопоставленного мандарина и не в память династии, а просто так вышло. Когда её увидел впервые маленьким котенком сыночек наш двух лет, он вытаращил глаза от удивления, улыбнулся и замахал обеими ручками, требуя подать ему сюда произнося восторженно-радостно: «Цинь – Цинь!» Вот и пошло – Циня.

Сначала это был только пушистый шерстяной комочек с двумя веселыми глазами и розовым носиком-пуговкой. Дремал этот комочек в корзинке с высокой ручкой, на постеленных мягких фланелевых тряпочках. Декоративная широкая корзинка была куплена как кашпо для цветов, но пришлась, как нельзя кстати, для подаренного нашему сыночку на день рождения котёночка.

А кошечка была породистая – ореховый окрас. Трехцветная кошка породы мей-кун, с пятнами чёрного и рыжего с белым, с красивым белым передним галстуком, как треугольник.

Этот комочек рос быстро, гораздо быстрее, чем наш сыночек, который быстро потерял к нему интерес.

Этот комочек спал на полу в свете солнца падающего из окна, лакал молоко, из миски, жмурясь и мурлыча. Он ловил лапой мух на подоконнике и на окне; катался по полу, играя бумажкой скатанной в шуршащий комок; играл с клубочком ниток, когда бабушка вязала и ставила нитки в коробке на пол, а один клубок выкатывала котёнку для игры.

И мы сами не заметили, когда это, вдруг, вместо черно-рыже-белого пушистого комка, мы увидели большую, стройную, гордую кошку – нашему сыночку всего-то исполнилось 3 с половиной, и он еще всё засовывал палец в рот, инстинктом вспоминая младенческую соску.

Выросла, в общем, первая красавица, всем кошкам кошка. Темно-каштановая с огненными рыже-красными пятнами, на груди белая манишка, усы во все стороны и шерсть вся лоснится, блестит; задние лапы, как в широких черных штанишках, а кончики лап в белых тапочках. Красота, да и только.

Спала Циня в доме, где хотела: на диванах, на коврах, на стульях и в кресле. Очень любила спать около стопки газет, которые лежали в углу на тумбочке напротив окна.

Целый день солнышко светило и грело эти газеты и тепло от них, видимо, продолжало передаваться и вечером.

Была у Цини одна особенность. Во-первых, обряд утреннего здорованья. Сначала прыжок на мою постель: «Муррум!». Потом подход и тыканье мордой, головой в руку или в бок, и снова коротко говорила: «Муррум!» и тут же падала на меня боком. Именно не ложилась, а падала боком на мою грудь или на мои ноги, если я садился на кровати. Затем она поворачивалась, подставляя свой бок, и я должен был гладить её по боку и по животу. Едва я, погладив раз-два, намеревался убрать руку, – она лапой, поднимая её не вставая, ловила мою руку, требуя еще, и глядела на меня с умоляющим взглядом. Отказать было невозможно, и еще и еще раз она получала свою порцию ласки.

Потом я вставал, и Циня бежала за мной, провожая меня до дверей туалета-ванной, сидела у дверей и ждала. Потом бежала за мной и на кухню, когда я утром всегда шел выпить с полстакана водицы. Так она и бегала, как собачка, в продолжение всех моих утренних перемещений. Она сидела рядом и наблюдала за всем, чем я занимался: одевался ли я, готовил ли я кофе и бутерброды, садился ли в кабинете за письменный стол, что-то записать. Циня всегда сидела рядом и наблюдала. Если я долго где-то задерживался за столом в кухне, завтракая или за письменным столом в кабинете, она тут же ложилась на пол и, словно на посту, охраняла меня, готовая вскочить и побежать за мной, если я куда-то

направлялся.

Этот «собачий синдром» проявлялся и во время прогулки, когда я выходил покурить и прогуливался по дорожке в саду. Она, Циня, красавица кошечка ходила за моими ногами, как собака. Когда я останавливался и стоял чуть дольше минуты, Циня подходила и терлась мордочкой и своим боком об мою ногу...».

Так и живет наша кошечка до сих пор, рассказывал мне один мой знакомый, рассказчик.

Конец.

Заводы

Часть 1 Охотничья собака

Это было до перестройки и до того как развалился Союз, и мне кажется это было очень давно при стабильной и тихой жизни колхозов во времена «застоя Брежневского».

Я тогда приехал в свою деревню, где провел свои ранние детские годы и куда приезжал каждое лето на каникулы к бабушке. Бабушки не было давно с начала 1970-х, а дом наш был продан, разобран и увезен татарами в соседнюю республику. Так мне рассказали родители, когда я был мальчишкой. Но приезжал я к друзьям детства и останавливался у них на жительство часто, когда выходил мне отпуск, и хотелось отдохнуть от городской суеты и шума. Так было и в этот раз, глубокой осенью я приехал в деревню с ружьем своим для охоты. И охотиться мы с моим другом Петькой Ивановым решили около Заводов, в глухом месте, с оврагами и полями и перелесками. А место это было знаменитым и о нем ходили разные мистические рассказы.

Прежде обжитое местечко превратилось в глушь окруженную лесом, полями и перелесками. Сейчас, вдоль сопки, вдоль высокой для нашего края горы, течет маленькая речка, берега которой заросли черемуховыми рошицами на возвы-

шенностях, и были заболочены поросшие камышами.

Небольшие деревни, оставшиеся после того, как из этого края ушли «промышленники», даже не все поля могли обрабатывать. Так, среди оврагов остались большие луга с травами готовыми для сенокоса.

А через овраги когда-то шла дорога, и были построены мосты. И речка была полноводнее и глубже, как рассказывали нам еще в детстве старики. Во время весеннего разлива мосты через овраги затопляло водой и частично разрушало, поэтому заводским рабочим из большого поселка приходилось каждый год мосты ремонтировать. И посёлок стоял раньше на берегу реки и назывался Заводы, от которого сегодня и следов не осталось почти совсем.

Всё случилось по природной изменчивости и при человеческом участии в её разрушении из-за своей жадности. Река обмелела, и берега её заболоченные заросли травой и кустами. А всё потому, что леса в верховьях реки вырубались с беспощадностью – Заводам требовался лес, брёвна.

Заводы на самом деле представляли собой множество пилорам и цеха по распилу и обработке досок. А из промышленности тут были «дегтярные», стоящие несколько вдалеке от самого поселка, а также мебельные фабрики. К понятию «завод» промышленность поселка совсем мало имела отношение, если только производство дегтя назвать заводом. На самом деле эти дегтярные среди местных назывались – «Хим-дым». Кто так назвал неизвестно, но так прижилось.

Владельцем всего этого многообразия промышленного был помещик и купец, барин Высотный, и имение его Высотино находилось на краю леса в 5-ти или 6-ти километрах от Заводов.

В поселке Заводы были, говорят, даже двухэтажные дома. Но в основном стояли длинные бараки на три семьи, в центре посёлка, и еще длинные бараки-общежития, на окраинах, для приезжих рабочих.

Когда-то, в самом начале образования поселка Заводы, по воспоминаниям стариков, – лес сплавляли по глубокой реке плотами с верховьев. Но скоро речка наполнилась топляками и обмелела, брёвна от плотов отцеплялись и тонули. Тогда начали возить лес телегами, и для лошадей тяжеловесов в соседних деревнях построены были конюшни большие. И в нашей деревне, в оставшейся от того времени конюшне, до сих пор содержались до 20-ти колхозных лошадей. А наша деревня находилась рядом с барской усадьбой Высотино, в двух-трех километрах.

Усадьба сгорела буквально в пламени революции 1917 года, сожгли её мужики ненавидящие злого барина и весь его род. Теперь все вокруг поросло густым лесом, так что дороги к усадьбе уже нет и развалин её уже не видно.

Среди местного населения ходило поверье, что в этом густом лесу в тех самых развалинах усадьбы живут приведения. А на дороге, ведущей в район и проходящей в километре от развалин по лесу, появляется белая женская фигура

с маленькой детской белой фигурой за ручку: это жена купца, барыня с дочкой, которые сгорели в усадьбе и пострадали ни за что от мужицкого беспредела. Сам барин сбежал и избежал расправы, говорят, он вообще за границу успел убежать и во Франции прожил до старости. А те приведения мстят за свою безвинную смерть. Молоковоз в этом месте врезался в дерево, водитель увидел приведения на дороге. И из-за боязни людей дорогу отнесли в сторону и в объезд бывшего Высотино по полям, тогда пришлось колхозу восстанавливать один из мостов через овраг. Старая лесная дорога осталась, по ней изредка люди ходили пешком, а иногда ездили на личных автомобилях. Случись попасть на это место, рядом с Высотино, вечером – непременно появятся приведения. Так поверье в народе остается до сих пор. Во всех местных деревнях, несмотря на годы атеизма и как бы не казались легенды эти про приведения выдуманными, – каждая бабка знала немало историй о Высотинском приведении. Все говорили о том, что ходит это приведение вокруг усадьбы по лесу и горько плачет, вызывая о погребении.

Единственный Храм был в районе, к которому и вела эта дорога лесная, и было до района 8 километров. Объездная дорога построена-проложена была совсем не из-за того что какие-то там приведения мешали ездить через лес. Дорога по полям, пусть через большой овраг и через мост, – была ровная и относительно прямая. А по лесу дорога петляла, обходя заболоченные участки, и ямы и спуски и подъемы бы-

ли на лесной дороге во множестве. Однако в объезд дорога удлинялась и была 12 километров. Лесной дорогой народ пользовался всё равно, так как путь в район был короче. В годы атеизма в приведения мало кто и верил.

Кроме меня охотника, был в нашей деревне другой старый охотник, дед Иван, бывший колхозный сторож, он охранял как раз конюшню, оставшуюся с дореволюционных времен. У моего друга я жил в отдельном помещении в пристрое типа клетки, что через сени рядом имела дверь. Клеть не отапливалась, но были на широкой лавке и матрац и одеяла ватные, несмотря на осень во дворе у меня в комнатке было тепло. И приходил ко мне дедушка Иван – у меня привезен был склад пороха, дробы, шомполов, капсюлей, пыжей и разных машинок для снаряжения охотничьих патронов дробью.

Часть 2 Заводы

Дед Иван не любил говорить и всегда уворачивался от вопросов про эти самые приведения.

«Слышал, слышал я разные истории, но не верю и не хочу про это говорить» – отвечал он мне. Однако несколько случаев про приведения местные он мне рассказал, после моей настойчивой просьбы, в то время, когда мы дробью четверкой (на зайцев) снаряжали патроны для предстоящей охоты.

«А то,... Марья-вдовица поведала всей деревне. И молва эта быстро всем известна стала, – это ж бабьи побасёнки: „одна баба говорила и другой передала“, – быстро распространяются. Так вот, ... Дом-то её с краю деревни стоит, всех ближе к лесной дороге и к Высотину близко. А там усадьба-то разваленная поросла малинником вокруг. И ходила Марья-вдовица малину собирать полудикую. Крупная там малина, не как по оврагам в лесу дикарка-то. Задержалась, говорит, почему-то до вечера и в сумерках и увидела приведение это: белую женщину с белой прозрачной же малой дочкой. Плакали они, говорит. И женщина к ней руки тянула и говорила что-то там, типа, просила помочь, а девочка плакала: „мама, мама!“. Вот одна из историй» – рассказывал дед Иван в промежутках между тем, что насыпал дробь в мерку и в патроны, передавая их мне на машинку для пыжевания.

«А в другой раз, на дороге лесной,... мужик наш видел тех же: белую женщину прозрачную с белой девочкой. И что это он вечером шел по лесной дороге мимо Высотина? За ним, говорит, шла и руки к нему тянула, – так он бегом прибежал в деревню весь в поту...».

Дед Иван был, наверное, единственный заядлый охотник в нашей деревне. В других деревнях, среди местных, охотников тоже было мало. А потому и дичи в наших густых лесах и по полям около реки было предостаточно. В последнее время сюда стали приезжать на охоту даже из города люди-охотники.

Охотиться люди стали не только для удовольствия, но и по нужде. В последнее время, в конце 1970-х, в 1978—79-х годах ввели по регионам талоны на продукты. И мяса уже негде было достать – дефицитом стало мясо. На один талон – 1 кг мяса в месяц давали. Поэтому, известное дело, что зайцев можно было жарить не только как экзотику, деликатес: прошпигованный салом и чесноком да в сметане изжаренный заяц и для ресторанов хорош.

Вот и мы с дедом Иваном охотиться шли непременно за добычей, а не просто прогуляться и природу посмотреть.

Я приехал в родную деревню поздней осенью, в такую пору, когда опавшая листва уже слезалась под осенними дождями и почернела на тропинках. Охота в такое время и называется «охотой по чернотропу», и она сама по себе инте-

ресна для охотника-любителя.

Надо было дожидаться первого снега, первой снежной пороши, когда станут видны следы зайцев и других животных. И еще у нас не было собаки охотничьей. Да, мы знали, что все любители-охотники «тропят» зайца и без собаки. Найдут свежий его след на снегу: две задние лапки рядом и две точки от передних одна за другой, и идут по следу, как по тропинке, пока не найдут лежащего на «лёжке» и не застрелят его. Ведь заяц бежит по ночам, а весь день он лежит, потому что днем много шума. Но так охотиться не очень-то и выгодно. Слух у зайца отменный и слышит он шаги охотника издали, недаром уши-то большие. Застать на «лёжке» зайца – редкость. Он всегда «снимается» с «лёжки» задолго, как охотник подойдет. А увидев прыгающего далеко впереди зайца, – охотнику попасть в него труднее и много «холостых» выстрелов бывает.

А другая охота была бы с собакой. Дед Иван стал спрашивать у деревенских: нет ли у кого собаки пригодной для «охоты гончей». Провинция, деревня – это особая часть страны: там малейшие слухи и вести растекаются во все стороны не хуже радио и телевизора. Дворовые собаки-дворняжки бегали во всех окрестных деревнях. У некоторых во дворах на цепи сидели овчарки, а кто-то даже бульдогов выводили гулять на поводке. Но пригодных для охоты, еще и гончих собак по всей округе не было. Как мы узнавали новости про

соседей? Да запросто. В магазине нашем сельском. В трех километрах на гору, через речку, через мост – соседняя деревня считалась «центральной усадьбой колхоза» – её так называли. И там, напротив сельсовета был магазин и почта и клуб по соседству с кинозалом в нём. В магазине завсегда – это женщины и старые и молодые, через которых можно было узнать всё обо всех.

Уже осень стала совсем холодной, по утрам густой иней серебрил поля и припудривал деревья, и мороз тонким ледяным стеклом затягивал лужи на дороге. Наконец, однажды ночью (как всегда неожиданно: всегда так – ждешь, ждешь, а дождешься, и это бывает неожиданно) неожиданно пошел мягкий первый снег. И проснувшись, все увидели из окон белую зиму. Вот она – первая пороша! Сердца охотников начинают биться быстрее в радостном предвкушении при звуках этих слов – «первая пороша!».

В эту первую порошу случилось чудесное для нас событие. К деду Ивану пришла почтальонша из сельсоветовской деревни, и пришла с собакой. А я уже был при всем снаряжении, готовый выйти «в поле» – на охоту и зашел поутру к деду Ивану. Его дом был ближе к краю деревни, в сторону оврага и полей за ним, откуда и решено было начать наши поиски заячьих следов.

– Здравствуй Анна! – встретил почтальоншу дед Иван. Та, вошла в калитку и завела собаку на поводке во двор. После приветствия она сказала: «Говорят, вы для охоты собач-

ку приискиваете? Так вот, это молодой наш Друг, кличут его так, охотничий пёс. Да вот беда с ним немного, натаскан не совсем хорошо» – и она рассказала историю воспитания пса:

«Щенок он породистый, знакомый привез из города, говорил, английской какой-то породы. Говорили „пойнтер“ вроде бы. Учили его мы с мужем вдвоем всем командам, как положено. Он обладает прекрасным верхним чутьём, по утке, по другой птице надо было натаскивать, он ни воды, ни болота не боится. Мой муж в лесниках служит и взялся натаскивать Друга, да прозевал по небрежности, не смог придержать, чем и испортил породу-то», – рассказывала пожилая бойкая женщина. Видно было, что она всё знает и понимает.

«А полем шёл, а тут прямо на него заяц оголтелый мчался, русак осенний. Ему бы придержать за ошейник, да не пущать: „Ты, мол, Друг, благородный пёс, породистый, и негоже гоняться за зайцами“. Но, когда муж успел одуматься и сообразить, – Друг уже нагнал косоногого и весь в крови заячьей стал грызть его на месте. Конечно, потом муж отнял у пса русака и в сумку упрятал, да что толку уже! Хлебнул уж горячей заячьей крови пёс и стал никуда не годным.... Пробовали его и учить и наказывать, и били плеточкой по хребту. Нет. Ничем невозможно было выбить эту страсть из его собачьей души. Бывает, говорил мне муж, учует Друг из далека своим верхним чутьем перепелку, бекаса и тетерева или глухаря; учует и „тянет“ по нему. Сказывается порода. Весь

как струна, в „стойку берет“. Только на охотника глазами косит и на птицу настроен бывает. Но тут приносит нечистая, как на зло, какого-нибудь русака и прощай всё... – ведь, за полкилометра чует он их проклятуших зайцев. Только его и видели! Убежит и жди его. Вернется, а морда в крови вся. И наказывай его, не наказывай, – а тушку зайца в стороне бросает, в руки не дает» – так рассказывала почтальонша.

Сама она была дочерью прежнего лесника и охотилась, дай бог всякому мужику! «Жулька была, – говорит, – хорошая собака, все болота я с ней облазила по лесной округе, уток била. И на другую птицу ходила. Не люблю я бегать, как вы, мужики, за зайцами, да за лисами. Муж мой, вот, и на волков ходил, когда облаву на них тут объявляли года два назад. Тогда волков много было, – на скотину нападали по деревням. Пастухам трудно тогда приходилось у нас...» – рассказывала почтальонша Анна-охотница. Всё это узнали мы, когда в дом зашли чай попить, за столом у деда Ивана.

А Друг довольно быстро с нами освоился, и не чурался, а принял нас за своих – за охотников. Обнюхал он руку мою, когда мы вышли к нему. Он сидел во дворе, привязанный к крыльцу. С руки он переключился на ноги, и сапоги, не до конца отмытые от прошлой болотной тины, как бы что-то ему охотничье напомнили. Друг натянул поводок и лапами передними уперся мне в грудь. И тут я обратил внимание на глаза этого породистого пса. Они были слегка голубова-

того цвета, живые и серьезные. Их взгляд был твердый, доверчивый и без всякого оттенка угодливости и заискивания. Казалось они спрашивали: «Зачем я здесь? Зачем я тебе нужен? Ведь не со зла?». Так смотрят лишь верные собаки пастухов, уверенные в доброте человеческой.

Кусок колбасы, который вынес дед Иван, был принят от него благосклонно и проглочен мгновенно, а хвост выразил самую размашистую признательность.

Так и было решено, что пёс по кличке Друг, останется у деда Ивана. А пока мы будем охотиться вместе до окончания моего отпуска.

Часть 3 Охота

В первый раз пошли мы на пробную охоту, ведя Друга на поводке. Но он шел за мной так послушно, охотно и весело, что я спустил его с поводка на свободу. И Друг с явным наслаждением побегал впереди из стороны в сторону перебегая дорогу. Он зарывался носом в молодой снег, спугивал с дороги воробьев, пока мы выходили по деревне к оврагу и в поля. Стоило мне свиснуть и окликнуть его по имени, если он далеко вперед удалялся – он сразу же останавливался и поворачивался к нам мордой с внимательными яркими глазами, и дожидался нас.

В тот день нам не пришлось охотиться: день стоял теплый и снег раскис и стоял, дороги открылись совсем. Мы погоняли собаку, проверили Друга на разные команды. У самого леса он нашел птиц – сделал стойку и по команде спугнул их. Мы даже не пытались охотиться и ни одного выстрела не произвели.

Еще несколько дней с погодой нам не везло. Ночами подмораживало до гололеда, а снега особо не было. Потом пошли метели, и сильнейший ветер сдувал мелкий снег с мерзлой земли до черноты полей. Но скоро распогодилось, стали ровные дни с солнцем, пробивающимся между облаков.

Друг – это была собака помесь, не похожая ни на какую из пород охотничьих; хозяев явно обманули, предоставив им

ценка, что он чистопородный английский пойнтер. Это была смесь пород. Хотя шерсть у пса была достаточно длинная и ноги его в густой шерсти. Но морда собаки была вытянутая вперед, как овчарочья или как у гончих. Он был серого окраса с черными большими подпалинами по бокам коричневого цвета. И с небольшими висячими ушами лопухами.

Дед Иван не тратил времени зря, и он занимался все эти дни своим Другом. Даже в непогоду они выходили «в поле» — и по лесу лазили и в поля ходили. Зайцев не встречалось, но принес дед Иван пару куропаток подстреленных на опушке.

Дней через 5 повалил, наконец, тихий, крупный, хлопьями, мохнатый снег. Из-за его сплошной сетки не стало видно ни ближайших соседних домов на той стороне деревенской улицы, ни деревьев, ни леса за огородами. Такой снег шел целый день и только к вечеру перестал, словно улегся спать в тишине быстро чернеющего вечера, перешедшего в неподвижную тихую ночь. Земля приняла уже постоянное белое покрывало, которое точно не растает до весны. Я вновь собрался и утром, еще по темноте направился к деду Ивану, собираясь точно идти на зайцев.

Утром, чуть свет, мы вышли «в поле». На самом деле направились в осинник в заболоченную низину к тому самому Высотину, к старой барской усадьбе. Тут были первые стойки нашего Друга и первые наши трофеи. Подстрелили мы глухарей вспугнутых добрым охотником-псом. Но этот же

пес обнаружил и заячьи тропы. Однако он нас сильно огорчил. Он сел около следов и не двигался. Напрасно мы наводили его на самые, еще, казалось бы, теплые следы, тыкали его в них носом, указывали руками направление, уговаривали его взять след. Он глядел на нас, высоко поднимая голову, и говорил своим настойчивым взором: «Я готов вас слушаться, но ради чего? Объясните мне цель?». Видимо так его отваживали и наказывали от зайцев, что ему не хотелось вновь быть наказанным. Так промучились мы с псом целый день.

Дед Иван говорил, в сердцах: «Что за пес, никуда не годный, его и кормить зазря не стоит». Но – врал со злости. Дома, вне охоты относился к собаке заботливо. Он постелил под навесом у крыльца сена и сделал из коротких досок ограждение с двух сторон. Покрыл это сооружение крышей из кусков рубероида, оставшегося после ремонта крыши сарая. В этом сооружении было тепло. Я просунул руку, когда на улице стоял уже довольно сильный мороз, внутрь сквозь солому, какая там была густая теплота. Словом устроил Другу дед Иван собачий рай.

Так несколько раз мы ходили на охоту и возвращались с малыми трофеями, добытыми своим трудом с маленькой помощью собаки. С ней было одно мучение. По следу шли сами, только с лежки зайца поднимал пес. Однако, узнавая, что зайцы тоже нам потребны, как охотничьи трофеи и Друг стал относиться к ним по-другому.

И произошло изменение. В тот день мы только вышли че-

рез поля покосные к Заводам к реке, отойдя от деревни очень далеко, как Друг остановился и начал нюхать снег, яростно болтая хвостом. Дед Иван, ни на что не надеясь сказал: «Должно быть, дурак, мышь в земле почуял!». Но в ту же секунду из под снега выскочил столбом белесый заяц русак и помчался вперед, как бешенный. Вряд ли за ним угналась бы и гончая собака. А Друг наш был великолепен. Он не растерялся, не замялся и не потерял ни одного мгновения: он в ту же секунду бросился за зайцем и скоро мы потеряли его из вида. Прошла еще минута – и мы услышали его голос.... Знаете как лает гончая собака? Она бедная, жалуется: «Ай, ой, ай! Ай, ой, ай! Что мне делать, помоги мне, хозяин, никак не догоню я этого зайца! Ай, ой, ай!».

И друг бежал и подавал голос, через раз, замерев на время, на пару минут, и вновь голоса. А заяц «ходит» – бежит кругами, как известно. И слышно было, что Друг повернул направо. Тут была рука деда Ивана и взяв в сторону лая он пробежал направо навстречу гону. Я стоял со стороны, и мне всё было видно. Я видел, как дед Иван прицелился. Потом из кустов выскочил светло-бурый заяц. Тотчас же белый дымок вырвался из дедовского ружья, и одновременно с ним заяц перекувырнулся через голову и упал в снег. Потом раздался слабый – пук! – это был выстрел. И только потом из кустов вырвался Друг.

Он с разбега ткнулся в заячье тело и тут же присел на зад. Когда мы быстро подошли к нему, Друг представлял коми-

чески печальное зрелище: сморщенная морда его опущена была вниз, уши висели лопухами усиливая комичность и общий скорбный вид – будто на похоронах, страдающий пес сидел перед нами печальный, хоронящий игравшего с ним друга. Тут я, приучая собаку к делу, к которому по породе он не приспособлен, отрезал и бросил заячью лапку, тот самый сустав, который кровянится мало. Друг пришедший в себя и смотрящий на мои процедуры, – поймал зайчатину на лету и быстро её проглотил, пару раз и жеванув всего. И с этого момента он сделался у нас хорошим «гончим псом», хотя бегать быстро не мог из-за своих мохнатых ног.

А в тот день без наших намеков и указаний сам стал разыскивать заячьи следы, гнал зайцев и сообщал своим лаем, пусть редко, не как гончие постоянно, но можно было слышать его басовитый лай. Он выгнал на нас в этот день еще четырех зайцев: одного из них во второй раз положил дед Иван, другого я. И над каждым зайцем Друг также устраивал фигуру похорон: сморщенное лицо с грустным взглядом и сидел на зад, вытянув даже задние ноги вперед....

Об этом охотничьем псе узнали вскоре во всех деревнях, Дед Иван рассказал о своем новом Друге бабкам знакомым в магазине сельском. Но слава ни как не повлияла на добрую собаку с добрым, кротким и чистым характером. После меня, когда я уехал, Дед Иван ходил и с другими охотниками нашего района, так что собаку хвалили, рассказывали о ней при встрече мои знакомые, приезжая зачем-либо в го-

род и бывая у меня в гостях.

Конец.

Глазами Мышки

Мы наделяем животных своими человеческими чувствами.

Лиса у нас – хитрая, как все знают, она съела колобка, она и волка обманула, когда предложила ловить рыбку в проруби хвостом, а хвост волка примерз во льду. Обманула и старика, – притворилась мертвой, и старик положил её в телегу с рыбой, а она рыбу выкинула по дороге и сама убежала. Приехал старик домой – и ни лисы, ни рыбы. Лиса обманула ворону с сыром: та каркнула, сыр выпал, с ним была «плутовка» такова!

Заяц у нас – трусливый. Говорят, он боится каждого шороха и быстро убегает, он шустрый, все время выкручивается и убегает от волка в мультике «Ну, погоди».

Медведь, наоборот, медленный, неповоротливый, «ува-лень» – косолапый.

А мышка? Она – «норушка», в норке живет. Вот мышка, – она и умная, на разные хитрости способная. Чтобы молоко из банки достать, мышки друг друга за хвостики держат, а еще они залазят на самые высокие полки, друг на друга по плечам, строя «пирамиды». Мышка бежит везде и не вовремя: бежала-бежала, хвостиком махнула и яичко столкнула со стола, так что оно упало и разбилось.

Время у нас – это такая неопределенная штука. Одному кажется долгим. Другому наоборот. Время идет медленно, когда за ним следишь.... Оно чувствует слежку. Но оно надеется нас рассеянностью, когда спешим, мы забываем то одно, то другое, а время убегает, так что его не вернуть. Возможно даже, что существует два времени: то, за которым мы следим, и то, которое нас преобразует. Со временем все меняется, меняемся мы сами, меняется природа....

Человек живет недолго. А животные еще меньше. Например, мышки живут 2 (два) года. Когда наши 70 – 80 лет, в глазах мышки, проходят быстро, за два года, тогда месяц проходит – за 3 дня. А наш день, для мышки, проходит за 12 минут. Это если два года разделить на 80.

Всё, конечно, не так, и всё гораздо сложнее и проще, в то же время. И сердечко у мыши бьется быстрее, быстрее происходит обмен веществ в организме. Все события кажутся, становятся такими большими и важными....

Во-первых, весь мир состоит из запахов. И он большой, потому что запахов в нем очень много. Это не только те запахи, что были в раннем детстве, когда мышка родилась еще слепая и в норке (дома) были все «родные» знакомые запахи: земля вокруг, трава-подстилка, по которой мышата ползали, и запах Мама, большой мыши. Запахи мира разные и опасные, пугающие.

Уже через месяц мышка вышла в тот мир, который доно-

сил свои запахи из выхода норки. Вокруг были листья, упавшие с деревьев, (довелось же ей родиться под самую зиму, глубокой осенью), и корни дерева, под которым и была мышиная нора.

Дерево стояло на опушке, перед большим полем, на котором росла пшеница, именно её запах был «вкусный», пшеничные зерна приносила им Мама-мышь. Зерна были даже в колосьях, которые надо шелушить, грызть и отрывать лепестки шелухи, чтобы добраться до самого зерна, всё детство они к этому приучались – «грызть». Они бегали с Мамой недалеко и всегда возвращались в норку ночевать. Но случилось, что инстинкт позвал Мышку идти и исследовать дальние просторы мира. Так случилось, что она ушла очень далеко и осталась одна.

И вот первую ночь свою Мышка провела в страхе и в холоде далеко от своей норки (от дома). Она бегала в сгущающихся сумерках назад и вперед по ровной полоске между рядов колосьев без верхушек, стоящих как столбы, и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимала то одну озябшую лапку, то другую, (уже начинались «заморозки на почве»), она старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась.

Она отлично помнила, как она провела день и как, в конце концов, попала на этот далекий противоположный край поля.

День начинался с того, что её Мама-мышь вышла из норки и умывалась у входа, за ней вышли и уже крупные мышки-подростки. Некоторые, большинство, пошли в лес, там вдалеке рос дуб (знала Мышка и бывала там не раз с Мамой) и на осыпавшихся осенних листьях было много желудей и их можно было грызть и есть. Но Мама-мышь пошла на поле, где уже давно скосили и убрали пшеницу, но повсюду были просыпанные зерна, а то и колоски, набитые зернами, можно было найти.

Ориентируясь по запаху, Мама-мышь отыскивала зернышки и засыпанные землей. Мышка помнила, что они не раз пересекали землю уплотненную колесами больших шумевших машин-комбайнов, звуки которых всё детство их пугали. Сейчас солнечным осенним днем (в период «бабьего лета») Мышка-«Пикса» (как звала её Мама) помнила, что по дороге вела себя крайне беспечно и самостоятельно. Она прыгала от радости сытости желудка, когда ей удалось найти зрелый колосок, в котором еще нашлось штук 5 зернышек. А вокруг было много «страшного». Летали большие черные птицы, отбрасывая зловещие тени, вороны или галки. Приходилось, замерев, пережидать опасность. Мама-мышь, поначалу, то и дело следила за Пиксой, кричала ей громким писком об опасности. Но в последний раз Пикса слышала от Мамы далёкую и неразборчивую ругань: типа, – «Чтобы... ты... иди... куда хочешь!» Одним словом, Мышка-Пикса обрела самостоятельность: и бежала, и бежала..., пересекая ря-

ды столбиков колосьев, колеи стоптанной машинами земли, всё дальше и дальше, пока широкое поле не закончилось. Тут запахи были совсем другие, не как на лесной опушке. Пиксу испугали и звуки огромных плохо пахнущих, гремящих машин, мчащихся по дороге. Она попала на откос асфальтовой дороги, на которую вылезти Пикса не решилась. Но широкое поле откоса, отделявшее дорогу от пшеничного поля, было приятно тем, что в траве можно было легко укрываться. И тут же нашлась большая кочка, бугорок, с которого свисала пожухшая уже трава. Под ней была ямка, – вот и норка, уже почти готовая! Когда небо совсем уже стемнело, Пикса успела свою норку новую «благоустроить»: она углубила ее, как смогла выкопать, наносила мягкой и «теплой» травы. Вот с этого началась её самостоятельная жизнь.

Ночью, вдруг, неслышно пошел снег и укрыл белым покрывалом всю землю. И когда Пикса обнюхала утром воздух «улицы» высунув носик у входа в свою новую норку, – запахов не было, или их было настолько мало, что едва различались. Только потом, после шума проехавшей машины, недалеко, по дороге, разнесся странный запах дыма и резины, и теперь все тонкие запахи мешались с остро химической вонью, так что ничего нельзя было разобрать. Пикса побежала в утренней темноте на огромное белое поле, за которым темнел, далеко-далеко, её родной лес.

Было холодно, зябко, – Пиксой овладели и отчаяние и ужас: вокруг не было земли, никак под снегом невозмож-

но было отыскать, что себе покушать. Она побежала к какому-то большому бугорку на краю поля и раскопала под снегом вкусно пахнущую кучу соломы, в которую и залезла, поскорее спрятавшись от утреннего холодного ветерка. Она прижалась к холодному у самой земли сену и стала горько плакать. Это утреннее путешествие по краю снежного поля уже утомило её. Ушки и лапки её озябли и к тому же еще, она была ужасно голодна. За все утро ей пришлось грызть только два раза: она нашла наклоненный «колос» полыни полный маленьких черных семечек и еще погрызла сухую травку от сильной охоты поест. Если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы:

«Кризис! Настает Зима-холод, кушать нечего. Я умру – умру от холода и голода!»

Но Мышка, не человек. Она свернулась в глубине сена клубочком и уснула: сон это важная часть дня, восстанавливает силы. Немного поспав и согревшись, Пикса проснулась бодрой. Она учуяла, что среди этой кучи сена должны быть колоски, а в них зерна. Пришлось проделать в куче ходы, расталкивая колоски в стороны. И точно, – нашлось много отличного зерна, так что в середине кучи образовалась норка. Всякий раз, найдя колосок, Пикса приносила его в одно и то же место в центр кучи сена. Так она растолкала и головой и спиной колосья, что устроилась довольно большое «помещение», сюда же она принесла и мягкую траву и птичьи перышки, которые нашлись в сторонке на земле. В куче

сена построено было гнездышко, в котором можно было поспать, отдохнуть.

Так у Пиксы появилось новое занятие. Она бегала уже смело по всему краю поля. А надо сказать что «насорили» уборщики урожая пшеницы достаточно, на краю поля тут и там валялись кучки и кучки скошенной пшеницы. Снег, конечно, растаял, потом снова появился, до зимы еще не раз открывалась земля. К тому времени, когда снег плотно лег на землю толстым ровным слоем, покрывая поле – у Пиксы была целая цепь ходов и множество лежанок-гнездышек в разных местах. Зима была снежной. И под слоем снега было тепло, а в кучах соломы находилось для нее много корма. И не только зерна пшеницы служили пищей, но и шишки куста чертополоха, что рос вдалеке под обочиной у края поля, в них были, и семена и попадались червячки, личинки моли. Так и проживала Пикса эту первую свою зиму легко и беззаботно. Она большую часть времени спала и отдыхала в своих многочисленных гнездах, устроенных по всему краю поля и в середине его, куда нередко выбиралась на разведку в поисках пищи.

Основная норка все-таки была в земле, на обочине дороги. Хотя там днем было шумно, и земля даже содрогалась, когда по дороге проезжала большегрузная машина, но это было первое место, в которое она пришла из дома. Тут она вспоминала о мышинной колонии в лесу под дубом. Набегавшуюся за день Пиксу, утомление и теплота, глубокой и вы-

стеленной перышками птиц и мягкой травой норки, клонили в сон.

Сон. —

Она засыпала, и в её воображении бегали мышки по листьям лесного ковра около дуба. Не очень вкусные, но все ели желуди. За Пиксой погнался другой большой мышонок, с умненькой мордочкой и с большими усиками... они бежали вместе к полю, на котором колосилась желтая пшеница с тяжелыми колосьями набитыми большими зернами.... И тут Пикса оказалась около своей норки, на обочине, а большой мышонок стоял напротив её и добродушно они понюхали носы друг друга....

Весна давала себя знать и в поле появились проталины с сырой землей. Открылись и вылезли на солнце и кучи запрелой соломы, все гнезда в них устроенные были мокрые. Вот тогда предприняла Пикса поход в далекий и родной свой лесок.

Конец.

«Молодой», рассказ про бобра

В семье бобров случилось прибавление. Еще была зима, и за стенами бобровой хатки лежал снег, а речка стояла подо льдом, у бобрихи появилось два маленьких бобрёнка. Отец бобр частенько покидал хатку, нырял под воду и приволакивал осиновые мягкие ветки для своей бобрихи. Весь март бобриха выкармливала своих бобрят.

Только в апреле бобрята вылезли на берег. Они поднырнули, подталкиваемые взрослыми, под свод в воду и вынырнули в запруженной низине. Потом вылезли на островок из веток вокруг хатки.

Эта маленькая лесная речушка обильно разлилась, затопив ближайший лес, так что бобровая хатка оказалась на острове. Лес был смешанный, но вдоль речки был осинник, самое любимое бобрами дерево.

В заповеднике-заказнике, на пологом берегу Волги, где было много болот и озёр, – множество маленьких речек протекали по лесам, соединяя болотца и озера. Сюда и завезли несколько пар бобров, расселив по разным местам. Раньше, в старину, тут жили бобры, но их истребили охотники.

Бобры сразу принялись строить себе дома, выбрав маленькую речку, строили плотины, затопив территорию оврага, в котором текла лесная речка. В образовавшихся озерах стала размножаться рыба, прилетали утки и цапли селились

в прибрежной осоке. Лишние деревья на затопленных участках бобры повалили, и так среди леса появились открытые озера, вскоре поросшие по берегам осокой и камышами.

Весеннее половодье размыло плотину, и семейству бобров предстояла большая работа по восстановлению. Молодые бобрята помогали взрослым и таскали ветки вплавь по воде. Отец семейства деловито принимал и складывал принесенные ветки, втыкая одним концом в готовый каркас, второй конец ветки тоже заправлялся в плотину. Так и учил он молодых бобров, показывая, как надо строить плотину.

Работали все дружно день ото дня и в течении месяца плотина возвышалась уже над водой. Успокоившись от постройки плотины, бобры принялись за заготовку впрок осиновых веток. Они складывали сочные ветки неподалеку от своего домика в русле речки, в глубоком месте оврага. Все лето у бобровой семьи прошло в работе. Иногда, по вечерам, после работы, бобры отдыхали. Молодые резвились, играли с плавающими веточками, играли между собой в догонялки.

К осени их домик стал маленьким, уже не вмещал подросших бобров. Бобреха даже прогоняла из хатки молодых, уже больших и самостоятельных бобров. Молодым бобрам приходилось ночевать снаружи, на берегу, и они нашли кусты тальника, нависающие над водой. Они приносили несколько веток с листьями и ночевали на устроенной подстилке. Но потом они стали оплетать куст ветками и соорудили себе

шалаш, новый домик, просторную новую хатку. Они стали собирать со дна реки ил и глинистую землю и обмазывали стенки новой своей хатки.

Так появилось два домика в той запруженной лесной долине. Но бобры не ужились в новом доме. Они даже подрались, и один уступил: ему не нашлось места, хотя он помогал своему брату строить хатку, и он не остался жить тут, а пустился в путешествие.

А осень приближалась, и дни становились короче, а ночи темнее. Уже начинали желтеть листья на деревьях, когда «Молодой» бобр поплыл к большой реке, куда несла свои воды их лесная «чернушка», речка с темной водой. Он проплыл много дней по большой реке, вверх по течению и терпел множество приключений.

За время под родительской опекой Молодой бобр окреп и вырос и многому научился. Проплыл он по узенькой лесной речке долго, пока добрался до большой реки. Проголодавшись, он выбрался на берег в поисках вкусной осины. Но ничего он не нашел на большом песчаном пляже. Вдоль большой реки росли совсем другие деревья: дубы, липы и сосны с елями.

Молодой, подобрал и съел несколько жуков на песчаном берегу, неизвестно как сюда попавших. Прошлепав назад по песчаному пляжу к воде, он сел на берегу, опираясь на свой широкий хвост, и решил почиститься, поскрести

свою шерсть и на спине и на груди. Бобр умывался, вытирал свою мордочку, расправлял усы. После косметической процедуры, он решил плыть по большой реке. Плыл он вдоль берега, так как в середине реки было сильное течение.

Неожиданно, на берег вышла рыжая лиса, и бобр остановился. Он выбрался на берег и двинулся в её сторону, желая узнать, познакомиться с новым зверем. Лиса была крупная, но испугалась и запрыгала на него и назад, затыкала, как бы отпугивая или охотясь. Они, с лишком, полчаса препирались между собой: бобр тоже рычал и показывал свои острые клыки, а лиса кружилась вокруг и прыгала. Познакомиться им не удалось – лисица первая убежала от берега в лес.

По пути попалась протока, старица, уходящая в сторону от реки. Молодой заплыл вглубь неё. Там не было течения, было много тины и кувшинок. Но старица поросла кустарником вдоль берегов и ветки их свешивались над водой. Тут Молодой бобр вылез и отошел от берега в лес. По запаху учуяв осинник, он довольно далеко забрел вглубь леса. Нашел там высохшее болотце и, наконец, он срезал, зубами отгрыз и уронил небольшую осинку и стал поедать тонкие сочные её ветки. Ел он основательно и долго, до самой темноты. Завалял еще одно осину, так как мягкие тонкие ветки на первой быстро закончились.

В сумерках он двинулся обратно к реке. И, вдруг, впереди слышал шум многих шагов и ворчание. Подслеповатым взглядом, в сгущающейся темноте, он различил большие те-

ни. Их было много. Это двигались кабаны. Молодой бобр прижался к ближайшему дереву, встал на задние лапы, и шипел, обнажая острые зубы, резцы. Кабаны подходили один за одним к нему и отпрыгивали с визгом страха. Бобр прижался к дубу. Они долго кружили вокруг, пугая Молодого. Они рыли землю своими пяточками и кидали в него песок. Увидев просвет среди теней и силуэтов, не выдержав атак, первым, бобр побежал через стадо кабанов в направлении реки. И все-таки один кабан ударил его в бок с разбега. Видимо он решил, что этот зверь нападает и опасен. Молодой бобр подлетел в воздух, перевернулся и упал. А кабан напал на него еще раз, снова поддел его клыками, своей мордой и отбросил в сторону в ближайшие кусты. Раненный бобр подполз под куст и затаих, преодолевая боль. Из раны на боку вытекала кровь. Шум и визги стада кабанов вскоре удалились.

Молодому было плохо, возможно были сломаны ребра. Он тихонько подобрался к речке и нырнул в воду. Плыл вверх по течению в темноте в свете полной луны до ближайшего затона, до кустов на берегу. Тут вылез под кусты и стал зализывать раны.

Весь день он болел и не вылезал из укрытия под кустами. Он обгрызал ближайшие ветки. Рядом выскочила на берег лягушка, бобр поймал и её и съел. Лежал и болел он и весь следующий день.

Только на третий день больной Молодой бобр поплыл

вдоль берега реки, медленно, с большой осторожностью. Он встречал проплывающих на лодках людей, боялся их и прятался за упавшие в воду стволы деревьев, под коряги. Стадо коров приходило к воде. И снова Молодой прятался, и полдня ждал, пока коровы уйдут от реки, и только тогда трогался в путь. Он плыл в неизвестность и мимо крутых берегов, огибая упавшие в воду деревья. Он плыл и вдоль длинных пляжей, где не росло ни одного кустика. Питался он то ветками упавших деревьев, а то ловил жуков и лягушек. Ловил он рыбу – один раз проплывая мимо большой стаи рыб, собравшихся в яме перед перекатом.

Так Молодой бобр нашел маленькую речку, впадающую в большую реку, которая несла воды пахнущие болотом. Бобр поплыл по этой маленькой речке, углубляясь в лес. Далеко в лесу он нашел место, где были высокие берега оврага, а выше – река текла по ровной земле, еще не обозначив настоящего русла, по лесу. Этот овражек был как бугор, свозь который река пробила себе русло. И его, овражек, Молодой бобр решил перекрыть плотиной.

И он начал работать.

Работа – это главное в жизни. От всех неприятностей, от всех бед можно найти одно избавление – в работе.

И так трудился наш Молодой бобр, что позабыл все невзгоды. Он приготовил к зиме небольшой шалаш. Обмазал его глиной и илом, потому что по ночам уже стало морозить,

и иней появлялся по утрам той поздней осенью. Также, он свалил большие деревья и разделил их на бревна, которые перекрыли течение речки, образовав водопад в овраге. Плотины к зиме он не закончил, но успел заготовить себе на зиму ветки, в приподнявшейся речной глубине сложил их. Зимой он переживал трудно и одиноко. Но весна принесла большую воду. Болотце разлилось талой водой и площадь озера, которое образовалось уже, была большая. Домик бобра затопило. Ему пришлось строить плот или островок из веток, приподнимая пол своего домика. Плотина все не удавалась. Тогда он решил отправиться назад к родителям своим: дорогу он помнил хорошо. Это было новое его приключение.

Из похода к месту своего рождения, к родителям он вернулся не один. Там он нашел молодую самку бобриху из другой семьи и привел её с собой на свое новое место. Так и началось – образовалось новое озеро, давшее жизнь и уткам и цаплям и другим природным жителям.

Природа живет своей жизнью, чаще всего нам неизвестной! Природа не терпит пустоты! Один бобр изменил жизнь леса так, как и один человек мог бы изменить жизнь многих людей!

Природа учит нас преодолевать препятствия и не отступать перед трудностями!

Мы зря упорно пренебрегаем красотой природы и не зна-

ем всей силы ее культурного и морального воздействия на человека. Многие любят природу, но немногие принимают к сердцу. Природа нас учит и показывает нам судьбы зверей похожие на наши судьбы. Как (?). Не смотря ни что, надо менять свою жизнь и жизнь окружающего мира!

Конец.

Природа. Рассказ о петухе

Вот наш мир, на внешний взгляд обывателя, – он представляет собой собрание из повседневной суеты, ничтожные споры, скорбные тревоги по банальностям и прочей чепухи. Другое дело – мир Природы: это прекрасный и свободный мир, ничем не омраченный. Мир Природы – такой спокойный, тихий и непостижимый, скрывающий в себе много таинственного.

Природа не терпит пустоты: там, где люди удивляются и пытаются найти правду; там, в природе, содержатся и тревоги и проблемы. Человек же, вместо правды заполняет пустоту своими домыслами, придумывает мифы. Поэтому, в глазах человека, – Природа ощущается нами тогда, когда мы приближаем в Её созерцание и ощущение свое человеческое начало. Когда наше душевное состояние, наша любовь, наши радости и печали приходят в полное соответствие с Природой, – тогда сама Природа действует на нас со всей своей силой. И тогда – нельзя уже будет отделить свежесть утра от света любимых глаз и мерный шум леса от размышлений о прожитой жизни. Тогда Природа будет служить нам напоминанием о нашей любви и о наших прожитых счастливых моментах жизни.

Когда я оказываюсь, вдруг, на берегу лесной реки – я вспоминаю детство, вспоминаю о походах на рыбалку с отцом,

река дает мне воспоминания тех далеких счастливых часов, проведенных с родным человеком. Это ощущение детской непосредственности я получаю от природы. Так же другой вспоминает тихий летний вечер, как он впервые повстречал свою любовь, и бродили они по дорожкам в городском парке...

Природа оставляет нам память.

И невозможно объяснить язык природы на языке человеческого: Как объяснить тот запах, который вспоминает человек, вновь попадая на те же самые поляны в лесу или на берег реки, где запах тины и мокрой воды, вдруг напоминает ему первые впечатления, которые отложились в его сознании с детских лет! Но этот запах и эти звуки, и этот вид природы возвращает человеку память. Тогда возникают картины и образы, такие смутные и неясные, но такие добрые и восторженные, что и сердечко начинает биться в волнении.... Это и служит человеку успокоением и роднит человека с природой!

Конец

Рассказ про детство

Ранним утром, выскочив на крыльцо, маленький мальчик аж прижмурился от желтого и яркого света солнечного круга, который поднялся над ближним лесом. Деревенский дом стоял на краю деревни среди густого леса. Сразу за огородами этот лес на многие километры тянулся на восток! И сразу за огородами высокие березки переходили в высокий сосновый бор.

Во дворе кудахча, важно похаживал петух, охраняя копошащихся у плетня курочек: они разрывали землю с негустой травкой, разыскивая червячков.

Мальчик протер прослезившиеся глаза и взглянул в солнечное утро с ясным голубым небом и легким шумом леса, доносившемся сбоку от двора.

За невысоким плетнем был садик и огородик с тремя грядками огурцов и двумя грядками помидоров. Грядки поливала бабушка. Плетень – этот, маленький заборчик во дворе бабушка изготовила недавно вместе с мальчиком, и теперь он красиво выделялся, приятно радуя глаз. Мальчик вспомнил, как они вместе ходили на овраги, которые весной заливало водой. Летом овраги просыхали, оставляя небольшие бочажки-болотца с водой, по берегам которых росли многочисленные ивовые кусты: ивы-тальника. Бабушка нарубила ветки ивы, а мальчик складывал их в двухколесную тележ-

ку. Ветки, мальчик очищал от листьев и складывал длинные прутки. Эти прутья они привозили во двор, где уже стоял каркас из столбиков и поперечных брусьев. Потом они, вместе с бабушкой просовывали прутья между брусьев, и строился плетень! Все это было забавно, ново и весело! Длинные концы прутьев торчали поначалу вверх, и ниже и выше, как неподстриженные волосы на голове мальчика, какие он видел в зеркале по утрам: взъерошенные. А когда бабушка их подрезала ровно – плетень стал выглядеть красиво.

С высокого крыльца (а в детстве все кажется большим: когда деревья были большими – фильм такой есть) весь двор был виден мальчику. И все казалось прекрасным и плетень и бабушка с лейкой в садике; и курочки пестрые у плетня. И важный и красивый петух: желтый воротник, белые перья и цветные, красные и черные перья большого хвоста очень привлекли внимание мальчика. А главное, – большой и красный гребень на его голове колыхался интересно, когда, покудахтав, петух вскидывал свою голову! И мальчику захотелось посмотреть ближе на эту природную красоту, потрогать.... Он быстро спустился по трем широким ступенькам крыльца и весело подбежал к стайке курочек с петухом. Но тут неожиданность: петух не испугался, как сделали это курицы, врассыпную бросившиеся наутек. Петух, вдруг, громко заквахтал, закричал и подпрыгнул вверх. Он захлопал крыльями и налетел на мальчика, клюнув его прямо в кончик носа. Отлетев назад, петух и в очередной раз

изготовился напасть, но мальчик побежал, и слезы брызнули из его глаз. Он громко заплакал и закричал своим тонким голосом: «Бабушка-а-а!». Из-за слез мальчик не видел направления куда бежал, и не смотрел под ноги. Он пробежал вдоль плетня к калитке в сад, у которой стояли грабли оставленные бабушкой. Петух тоже кудахтал довольно громко погнавшись вслед за мальчиком. И в этой суматохе мальчик наступил на грабли: палка от граблей ударила мальчика по голове сбоку и мальчик упал в слезах и плаче взывая к бабушке. А бабушка уже бежала, бросив свою лейку между грядок. «Сашенька, Сашенька!...» – и видит картину: её Сашенька валяется на траве, на нем лежат грабли и на эти грабли взгромоздился петух, готовый клевать «поверженного врага». «Кыш-кыш, противный, что ты тут наделал!» – бабушка подняла Сашеньку отряхнула ему рубашечку и стала успокаивать. А петух и не собирался отступать! – он немного отлетел в сторонку и уже изготавливался напасть и на бабушку. Но подняла бабушка упавшие грабли и пригрозила ими смелому петуху. Тут он уже, наверное, испугавшись, бегом побежал в другой угол двора ко хлеву и сараю.

Так у Саши появилась царапина на носу и большая шишка сбоку лба.

Но утро солнечное, звавшее на улицу, вдруг, тоже помрачнело. Мальчику намазали нос зеленкой и заклеили ободранное место бумажкой. Царапина тоже была покрыта зеленкой и сверкала в окне, у которого сидел мальчик, глядя во двор,

как бабушка ходит по своим делам – то в хлев, то в сарай, под навес. Бабушка ходила около тех же курочек, и петух крутился рядом с ней и даже не думал нападать на нее. «Почему он меня не любит» – думал мальчик, все еще побаиваясь этого «злобного зверя». За окном погода портилась, может, почувствовала обиду мальчика, которая заронила в его душу. Он плакал недолго, после того как бабушка привела его домой. Но усевшись у окна, сурово надув губы, – он «обижался», и на весь мир эта обида распространялась.

Солнце, вдруг, скрылось за тучей, и тучи все больше и больше закрывали голубое небо. Они шли с Востока и вскоре принесли дождь. Во дворе все стало тусклым и темным, как вечером – трава выделялась темными пятнами, уже не казалась зеленой. Под быстро усиливающимся дождем пробежала и бабушка из хлева к крыльцу с ведром. Она подоила корову. А дождь зарядил так сильно, что за его струями, закрывшими пеленой весь вид за окном, не видно было огорода, потом даже плетень можно было с трудом угадать за струями дождя: начался настоящий ливень! Мальчик даже чему то обрадовался: «так и надо! Пусть! Так и надо!» – думал маленький мальчик, еще не понимая, кому и за что он мстит. Но он знал, что природа его услышала и отомстила за его обиду, – что он не погулял во дворе сегодня из-за случая с петухом, за то что ему было больно и обидно....

А природа, словно действительно в отместку кому-нибудь, зарядила продолжительным проливным дождем до са-

мого вечера.

Когда мальчик с бабушкой попили чаю с печеньем перед сном, — на улице все еще шумели струи дождя. И когда мальчик уже укладывался спать, все еще шел дождь, шум его слышен был за окном, под которым стояла кровать мальчика. Под этот шелест дождевых струй мальчик и уснул. Проснувшись мальчик тоже от шума воды за окном, — дождь не прекратился. Выглянув в окно мальчик увидел что по двору бежала вода — будто целая река текла по двору под ворота на улицу. Он быстро вскочил и перебежал к другому окну выходящему на улицу: и там он увидел потоки воды. Вода лилась огромной рекой по широкой улице от дома к дому, а струи ливневого дождя все добавляли и лили воду с небес! (Такой ливень продолжался три дня в 1967 году, но нигде в СМИ не упомянут, поэтому не могу сослаться, чтобы подтвердить факт). Три дня мальчик не мог выйти из дома, три дня лил дождь с Неба огромными потоками. Многие дома в селе затопило, — те, что стояли ближе к реке. Это ужасно. Невольно подумалось о Всемирном потопе, про потоп они с бабушкой читали в Библии. И бабушка говорила ему и читала, а мальчик переживал это событие истории, почти видимым образом, ощущал в душе, что всё так и было. Был Ной, которого Бог предупредил, и был ливень, и вода лилась с Небес. По улице текла уже глубокая река, мальчик мог это видеть наглядно — вода лилась ото всюду, их двор был затоплен, и они сидели запертые в доме с бабушкой, как ной в том Ковчеге....

Потом дождь кончился. Но впечатления от него остались в душе мальчика надолго. И уже никто не мог его разубедить, что Потопа не было. Что История Библейская – это миф! Вера Святому Писанию запала в подсознание мальчика в том раннем детстве! И в школе, как бы не учили они по биологии теорию Дарвина и эволюцию, мальчик знал и верил, что есть Бог и мир весь: и траву, и животных, и человека сотворил Бог!

Сама природа дала эту веру мальчику, своим совпадением событий.

Дополнения от автора.

В 6 лет мальчик выучил наизусть молитву «Отче наш...», и под прочтение бабушки он знал все события истории из Священного писания. В школе его не приняли в «октябрята» даже, потому что он всегда молился и ходил с бабушкой в Церковь по воскресеньям.... Потом молитвы свои он скрывал от ребят, но его не приняли и в «пионеры» и был он в школе некоторым «изгоем». У него были другие интересы, читал он другие книжки – жития святых и прочие религиозные. Хотя учился в школе вроде неплохо, но Вера в Бога таилась в его душе....

Конец.

Прошлое прекрасное

Про козу и про бычка

Поговорка есть такая: там хорошо, где нас нет. А нас нет в прошлом, и потому – оно кажется нам прекрасным.

Есть писатели, у которых каждое произведение в отдельности блестящее, и значительное и глубокое и прочее. Но в общем же, эти писатели неопределённые. То есть, каждый раз писатель раскрывает другую тему и каждый раз, писатель ставит другое мировоззрение в своем произведении. Так что разноречивой иногда до самоотрицания доходит! У других же писателей, каждое произведение не представляет ничего особенного в отдельности, но зато, в общем, во всем объеме своего творчества они строго определённые и тем самым блестящие! Сложно, но можно это понять и почувствовать, читая Чехова, например!

Из рассказов моих родных я узнаю о своем раннем детстве. Вот, однажды повезли меня в далекую деревню к родне, когда мне было еще годика три. Я плохо помню те дни и совсем не помню ту историю, которая произошла в той деревне. Но как рассказывают:

Я гулял с родителями во дворе. Подошли мы к сараю-хлеву, в котором была коза, барашки и другая скотина. Коза вышла во двор из сарая, и ходила по двору, что-то вынюхи-

вая на земле. Пока родители и другие взрослые были заняты своими делами, разговорами, я подошел к той козе близко, даже побежал, видимо быстро, как только мог бегать быстро ребенок. А коза, вдруг, напала на меня, на маленького мальчика. Она боднула меня рогами, и на рогах приподняв меня от земли высоко в воздух, перекинула через себя. Так я перелетел через козу и упал сзади неё на землю. Конечно, наверное, я заплакал, и только на громкий плач подбежали все взрослые ко мне. Козу, вероятно, тогда как-то наказали. А я долго не мог успокоиться, и отведен был в дом. Со мной ничего тогда не случилось, я не пострадал, даже синяков не было, говорят, и ничего я не сломал. Но тот страх и ужас, наверное, остался в моем подсознании. Потому что я всегда и всю жизнь уважительно и с опаской относился ко всем животным: к лошадям, к коровам, к тем, кто большой, кто больше меня. Вот оказывается, почему я никак не могу сказать, что люблю животных, я их боюсь, оказывается, в подсознании, – этот страх отложился у меня с того раннего детства, которого я и не помню.

А вот и еще воспоминание из детства.

Помнится мне – был такой «бодучий» бык. Это мне тогда бык казался огромным, а на самом деле это был бычок, у которого и рога то едва прорезались маленькие бугорки. И сам-то он был маленького роста. Но он все время гонялся

за мной, когда я проходил мимо соседского двора. Я убегал от бычка вдоль забора, а бычок бежал за мной, взбрыкивая задними ногами, низко наклонив свою голову с маленькими рожками. Он мычал и гонялся за мной всегда, как только я появлялся поблизости. Чем же я так не нравился этому бычку, а может он хотел просто поиграться со мной, с маленьким мальчиком.

Бычка этого привязывали за шею на длинной веревке, на полянке с травой у самого крайнего дома деревни. А мне приходилось там проходить часто – и утром и вечером, объясню почему. Я был пастухом, в своем раннем детском возрасте. Вот!

Все помнят песню известной певицы «Все могут короли...» – там поется про то, как король влюбился в простую девочку: «...у стен Дворца она пасла гусей...». Так вот, все знают, что пастухи бывает, пасут стада овец, наконец, стада коров или деревенские пастухи пасут и коров и овец и коз деревенских. Было у нас так. Наша деревня среди леса, на берегу маленькой речки, тоже имела свое стадо и своего пастуха.

А кто-то из городских, наверное, не знает, что гусей тоже надо «пасти». А вот! Я и пас наших гусей. У бабушки было две пары гусей. И много гусят, выводок, которых надо было провожать на берег нашей маленькой речки пастись на прибережной травке. Надо было наблюдать, за своими гусями и охранять их от опасностей. Утром, чтобы проводить

гусей до речки, надо было перейти два раза дорогу, по которой ездили машины и телеги. У нас в деревне возили молоко с фермы, как раз по утрам. Еще ехала машина от магазина за товарами в райцентр. И на телегах ехали на работу наши колхозники. Это одна опасность. И бывали случаи, что под машину попадали гусята, когда переходили через дороги и на краю деревни и перед самой речкой, где дорога шла вдоль берега до моста через реку.

А другая и главная опасность подстерегала гусяток с воздуха. Бывало много раз, как кружившие в небе ястребы падали на стайку гусей и утаскивали маленьких гусят. Вот поэтому меня назначили пастухом: я брал длинную «вичку», ветку тальника, и погоняя своих разбредаящихся гусей провожал их до речки. А там я сидел на берегу и охранял. Гуси плавали немного, а потом ходили по берегу, пощипывая сочную травку. И что мне было делать у реки? А я рыбачил. Я брал с собой трехлитровую банку, которую нес в сетке-авоське. Удочка моя была спрятана тут же на берегу, и червяков я копал тут же недалеко на конюшне, которая стояла на пути к речке. Пока я копал своих червей для рыбалки, гуси паслись, щипали травку и не уходили далеко, будто знали и дожидались меня. Только маленькие гусята рассыпались всегда по полянке около конюшни. Мама гусыня, сколько ни гоготала, а все-равно гусята разбредались. Я бегал со своей вичкой и собирал гусят в кучу. У реки гусята были более послушны, они все вместе плавали за мамой гусыней у бе-

рега на мелководе, ныряли и играли с кувшинками и травой, вначале мне интересно было за ними наблюдать. Но рыбалка тоже звала меня, и я доставал из кустов прибрежного ивняка свою удочку и шел рыбачить, в ближайшую заводь. Не забывал я поглядывать на небо, чтобы коршун или ястреб не налетел и не утащил моих гусят. И было, что я спасал от стервятников своих гусей. Один раз я подбежал с удочкой в руках и прогнал коршуна уже снижавшегося над берегом речки. А вот один раз я не успел: очень быстро ястреб упал на кучку гусят и схватил маленького и унес его в сторону леса. Вот! Я даже заплакал тогда: а гуси сбились в плотную стайку и укрылись под ближайшим кустом. И дома меня наругали: какой же ты пастух....

С той поры я уже стал внимательнее, а гуси слушались меня, они меня не боялись. Хотя к другим людям, к другим мальчикам, которые приходили на берег рыбачить, гуси настороженно относились и сторонились «чужих» людей. Но гусята росли быстро, и коршуны летом перестали летать так часто. Поэтому я с мальчишками убегал купаться к мосту: там был песчаный пляж. Веселое это было время: лето, речка и лес, сразу на опушке в траве росла земляника. Красота была: как вспомнишь, а в детстве вроде и не замечал этой красоты. В детстве мы по своему счастливы и несчастливы, были свои радости и свои горести.

Ага: вот и «поговорка есть такая: там хорошо, где нас нет. А нас нет в прошлом, и потому – оно кажется нам прекрас-

НЫМ».

Конец.

Хитрая лисица

Есть огромная разница между жизнью в повседневной суете города и жизнью на природе. Вот и тянет людей, хоть на день, в выходные, приобщиться, посетить и увидеть мир живой природы. Люди едут во множестве, толпами, принося с собой блага цивилизации, от которых не могут отказаться. А оставляют – мусор.

Может, и я поддаюсь этому общему движению. Но я стремлюсь найти место, где еще «отдыхающие» не успели намусорить. Где с природой можно побыть наедине.

И вот я узнал, в очередной раз, тихую маленькую речку, где отдыхающие еще не бывали во множестве. И как только выдался выходной – я уже трясся в автобусе по дороге, где асфальта не было никогда и еще может долго не быть.

Приехал в райцентр. А от него в поход, как всегда, через лес. Больших снастей и снаряжения с собой никогда не беру. Не люблю и палатки туристические. Так, от дождя, в рюкзаке лежит кусок целлофана 3 метра на три метра, квадратный. Я ставлю две рогатины, на них кладу толстую палку, а через палку закрепляю целлофан, пригибая к земле с обеих сторон. Получается треугольная палатка, в которую можно забраться только на четвереньках. А мне этого бывает достаточно.

Между тем я, вскоре, вышел из леса на широкое поле,

в котором разбросанно стояли невысокие деревья. В этом месте речка делала поворот. И пологая излучина поросла черемухой. С десятка два черемух стояли на песчаном этом поле. И ягоды поспели к тому времени. Приехал я уже к обеденному времени. На утренний клев опоздал уже точно, а в жаркий полдень рыба, наверное, не клюет. Поэтому переключился я, вместо рыбалки, поесть черемуху. Рыбачить решил по настоящему завтра, если только вечером сегодня чуть-чуть, место найти и прикормить, под завтрашнюю рыбалку.

Переходя от дерева к дереву, я нашел, что разные – и на вкус и по размеру были ягоды черемухи. На одном дереве находил крупную водянистую, но на гроздьях было меньше ягод. А была черемуха мелковата сама, – но ягоды на ветке-кисточке толпились во множестве, и на вкус были сладкие.

Сначала я обходил все деревья, – пробовал черемуху с каждого. А потом нашел, стоящие поближе к берегу речки, сразу три дерева рядом. Тут я остановился и полез на дерево, на толстую ветку повыше, где черемухи, ягод было больше.

Напротив меня я видел всю реку и уже определял, где мне встать на рыбалку. Противоположный берег был высокий, песчаный и обвальный. Он весь был утыкан дырочками-пещерками и береговые стрижи кружились и летали вокруг. Стрижи кормили своих птенцов. Река, хоть и маленькая, не очень широкая, но глубокая, сверху я видел все тем-

ные ямы и светлые перекаты, и песчаные мели у берегов. И я уже заприметил себе хороший заливчик около кустиков ивы, растущих над водой.

И когда я вдоволь наелся черемухи – хотел уже спускаться с дерева. Но тут заметил необычное скопление птиц на том берегу. Беспокойство их, кружащих над землей, над берегом, над травой, – заставило меня присмотреться. Передо мной ясно открылась вся картина происходящего. Я был на дереве высоко и мне хорошо открывался обзор на всю окрестность, видел я со своей высоты далеко. От крутого берега к близкому лесу удирала рыжая лиса, а над ней кружилась стая стрижей, нападая на нее один за другим. Лиса быстро скрылась в лесу за деревьями. Стрижи покружились немного около леса и разлетелись. Но я решил понаблюдать еще и не ошибся, увидел хитрую лисиную охоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.